

ФРАКТАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Эмиль Петросян

Пусть тот, кто не математик, не читает меня.

Леонардо да Винчи, Суждения о науке и искусстве.

Всякий раз, садясь за новую книгу, я пытаюсь осмыслить то, о чем она будет. Но по ходу написания я все больше и больше начинаю осознавать, что я не пишу романы, повести или рассказы, я пишу именно книгу, текст.

И эта книга, явившись собирательным образом и своего рода призмой всего прочитанного, увиденного, услышанного и пережитого мной, не может быть некой историей. Эта книга может быть только обо всем сразу.

Совсем недавно я пытался опубликовать эту книгу в одном известном издательстве, но мне снова отказали в публикации, как и много лет назад, сославшись на то, что это произведение "не формат". Они сказали, что им нужна рассказанная история. Им нужно повествование, а не "нагромождение разрозненных мыслей". Я сделал, было, усилие защитить свое произведение, но меня тут же пресекли, сказав, что мои книги не будут интересны *их* читателям. На этом и расстались.

Часть 1. Вкрапления детства. Пробуждение от кошмара. Агрегатные состояния сна. Поиски пространства. Полеты на край себя и обратно. Возвращение в рай ускользающего времени. Легкость бытия. Стремление к справедливости. Происхождение видов. Понимание сути. Распознавание образов. Выявление истины.

Достаточно оглянуться назад, и прошлое станет иллюзорным, а будущее – его инверсией. Разноцветные ленточки гимнасток с телеэкрана сверкают и трясутся перед моими глазами. Их цвет насыщен. Их движения управляемы. Их восторг внушаем. Их жизнь недолговечна. Их падение болезненно и означает конец удачи.

Часть 2. Гармония. Проявление тайны мироздания. Прощания и встречи. Интерес к пониманию природы снов.

Природа сознания скорее всего не имеет отношения ни к природе, ни к сознанию. Скольжение сознания. Неспособность ухватить суть. Возможно, основная проблема человека в том, что он всегда стремится к целостности, но он не способен ощутить эту целостность в одиночку. Но вовлекая в свой мир все новых людей, он вдруг начинает понимать, что перед ним непосильная задача: гармония не терпит ничего лишнего, но при этом состоит из одних только деталей. Эти детали не складываются в единое целое, но они подчиняются некоему внутреннему порядку, который превращает их неполноту в завершенность. Именно завершенная неполнота является тем магическим свойством гармонии, которое способно привести в человеческое существование временное облегчение.

Часть 3. Лето. Внимание к деталям. Осознание необходимости. Путь как неподдающийся расшифровке иероглиф. Содрогание майского ветра.

Я выхожу из своего дома в зеленый летний воздух, уходящий в голубое сверкающее небо. Мои дороги, мои пути, мой крест. Мое осознание необходимости. Радость и боль. Отчаяние и озарение. Мимо меня проносится сочная майская листва, она звучит как аккорд на органе, затягивает в сладкий омут своих солнечных содроганий. Я вдыхаю даль, вдыхаю тяжесть бытия, но легкий невесомый свет разносит по городу детский смех, и я поддаюсь очарованию движения сквозь ничто ко всему. Повсюду красавицы в юбках, со страстью, зажженной между ног, словно олимпийский огонь. В огромных фонтанах, словно в гигантских ракушках, играют дети, разбрызгивая тепло, которое суть вода. Я снова ухватился за ниточку жизни.

Часть 4. Солнце. Мерило. Множество. Простые вычисления в летнюю ночь. Осознание дома.

Солнце одинаково везде. Вдали ли ты от дома или же наблюдаешь небо из своего собственного окна - солнце светит одинаково прекрасно. Восходы и закаты могут отличаться наличием тех или иных оттенков, географических нюансов, но психологически солнце величина константная. Это число пи для души. Все соотносится с солнцем и познается в сравнении с ним.

Часть 5. Направления мышления. Начало и конец. Много и мало.

Неординарность мышления, подачи материала, оригинального критического разбора банальностей и т.д. Когда меня особенно приплет, я беру гитару и часами извлекаю из нее разные звуки и мелодии. Каждая рожденная в этих условиях мелодия или звук живут всего несколько минут. Я не стремлюсь их поскорее записать, чтобы не забыть, или же довести до какого-то законченного вида. Дело, видимо, в том, что все по-настоящему интересные и достойные произведения бесконечны. И в отношении

таких произведений всякое начало и конец произведения всегда являются произвольными. А всякое стремление к началу, по сути, есть стремление к концу.

Часть 6. Красота. Период полураспада. Искусство боя. Рай

Все современное искусство - либо исчезающая красота, либо красота исчезающая. Всякий раз, сталкиваясь с красотой, мы наблюдаем ее пик перед самым угасанием, мы наблюдаем праздник детства перед самым его окончанием. Грусть - вот, что вечно сопровождает восприятие истинной красоты. Ибо ни что иное не способно дать так глубоко почувствовать одиночество души и в то же время ее необходимость в растворении во всем сущем.

Каждый из нас - просто элемент множества. И я пытаюсь выбиться из этого множества, с которым связан жесткой, математической зависимостью. Я готов к рывку в самостоятельное, автономное существование, но социум удерживает меня.

В рамках единого целого все должно быть максимально однородно. Многообразие же целого - есть слабость системы. И социум борется за свое выживание любой ценой, даже если для своего выживания ему понадобится избавиться от всего человечества.

Поэтому я борюсь с социумом за право быть таким, какой я есть. Я распадаюсь и собираюсь снова. Мы все составные части чего-то более общего, чего-то более могущественного, чем мы сами. Иногда в нашем собственном мире мы чувствуем себя изгоями. Именно это ощущение чужеродности окружающего и выход во что-то новое по-настоящему близкое, родственное, я называю приобщением к искусству.

На самом деле, нам не следует недооценивать реальность. Красота красивее самой красоты. Уродство уродливее самого уродства. Эстетика – это высшая этика.

Если рай и существует, то, конечно же, это не сонм ангелов, окружающих человека на фоне идиллических пейзажей. Рай – это душевное спокойствие, которой никто не сможет омрачить.

Часть 7. Геометрия страсти. Структура узнаваний. Замедленные улыбки. Падение в бездну.

Все наши взаимоотношения с окружающим миром можно назвать блужданием в лабиринте. Лабиринт как модель некогда существовавшего идеального города, в котором все были счастливы, и по развалинам которого сегодня мы блуждаем в попытках воскресить счастье. Всякий лабиринт отсылает нас к физиологическим отправлениям: родовые пути, кишечник, дыхательные каналы. В самом сакральном смысле лабиринт есть путь к оргазму, выходу в трансцендентное.

Значительная часть лабиринтов не имеет центра. Стремление к центру есть стремление к плодородию.

Первый крик ребенка, попавшего в наш мир, - крик ужаса. Крик существа, прошедшего один лабиринт и попавшего в новый. Первый крик разочарования и боли. Ему понадобится много времени, чтобы привыкнуть жить в том аду, в котором мы имеем смелость надеяться на счастье.

Часть 8. Культ женщин. Красное в черном. Планирование хаоса жизни.

Каждая эпоха акцентирует определенный участок женского тела. Была цивилизация лба, лица, груди, живота, спины, ног. Теперь мы вступаем в цивилизацию задниц. Зеркало притягивает женщин как магнит. Черный цвет как "слепое пятно", визуальное вытеснение запретных зон. Гнетущий и притягательный черный цвет, цвет незнания и вседозволенности, цвет интеллекта и комплексов.

Женщина - сладострастный алтарь веры мужчины в самого себя.

На свете нет ничего прекраснее женщины. Ни одно событие, ни одно явление, ни одно чувство, или мысль не могут выйти вперед женщины. Мысль - оргазм мозга. Любовь, гармония, красота — это все отражение женского, вечного непреходящего материнского начала. Все что я делаю — это попытка вернуть ощущение настоящей материнской ласки.

Воистину, сила женщины - в той ласке, которую она может предложить. И эта сила универсальна, эта сила сдвигает горы. Ибо, нет зверя настолько дикого, чтобы он не отзывался на ласку.

Часть 9. Пульсация как предчувствие. Застигнутый в своей интимности мир. Космос как ожидание чуда.

Пульс. Как линия, подергивающаяся в старинных авангардных фильмах. Покачиваемся. Молчим. Слышим. Музыка окружающего мира. Мир передвигающихся и замкнутых в себе вещей. Мир, приходящий в движение от простого шороха. Словно вспугнутый мир. Словно мир, потерявший покой. Я остановился, застав его за созиданием настоящего. Машиностроительный завод, производящий настоящее. Я слушаю пульс. Как если бы я слушал свои откровения. Свои признания. Свое падение. Пунктир. Скачущий. Стремящийся к своему разрыву. Как мысль, которая то появляется, то исчезает. Словно звук от брошенного в пропасть камня. Биение сердца. Мы в красном. Красный цвет. Цвет крови. Цвет красоты. Пешеходные улицы с одичавшими людьми. Я в сумрачном лесу. Сигнальные ракеты в глазах. День космонавтики. Гагарин улыбается вечности.

Часть 10. Замедление ритмов. Время размыкается как губы. Я парю над городом.

Между человеком и богом есть нечто непроницаемое. Это непроницаемое есть время.

Время - дискретно. И внутри каждого из изолированных промежутков мы уникальны, и больше ни в какое другое время не возобновимы в аналогичной форме.

Губы просыпаются в интимном разговоре. Подобно шепоту, озаряющему темноту, мы продвигаемся по направлению друг к другу, проходя одну преграду за другой. Сон переходит в явь. Тела расслаблены. Еще мгновение - и они сцепятся в страстном объятии. Мимо нас проплывает время. Вещный мир перестает существовать. Мы покачиваемся на волнах секса, стремясь к умиротворению. Наши перевозбужденные и выдохшиеся от любовных игр тела засыпают, кружа в сладостной неге. Наш мир на время становится безмятежным. Наши ритмы замедляются. Наше сердце, наконец, сыто.

В ее зеркальце парит воздушный змей ее лица. Миллионы перетекающих друг в друга изображений, звуков, смыслов. Мой рабочий стол свернулся, как молоко. Солнечные зайчики разносятся по офису, как приятный аромат духов. Цвета из прошлого. Музыка делает невозможное. Моя комната светла как чистый лист, и я расписываю ее своим существованием. Образы размагничиваются, выцветают, пропадают. Слова, что еще недавно сводили с ума, напоминают оставленный отливом прибрежный мусор. Зайдя к ней в гости, я оказался на прекрасном лугу. И мои стихи были необычайно густы. И мы в них заснули.

Часть 11. Удовольствие от удовольствия.

Мы живем в мире "воскресных водителей", которые никогда не заглядывали в мотор своей машины и для которых в функционировании вещи заключена не просто ее функция, но тайна.

Возможно, наше отношение к миру есть не что иное, как бесконечное отражение нашего удовольствия в созерцании. Мы созерцаем, и это позволяет нам получать удовольствие. Однако данное удовольствие не было бы по-настоящему полным, если бы оно не переживалось как удовольствие от удовольствия. Мы наслаждаемся нашим наслаждением, точно так же как ощущаем ощущение от наших ощущений. Мы живем в мире производных от самих же себя. И в этом кроется разгадка нашего миропонимания, объединяющего в себе постижение тайны через ее принятие.

Часть 12. Целое непостижимо.

Человек как объект желания не может быть понят в своей целостности, а лишь как нечто дискретное. Поэтому всегда тяжело, когда, абстрагируясь от человека, мы заостряем внимание на одной понравившейся нам части его тела, и, идя с ним на контакт, обреченно понимаем, что нам придется иметь дело с целым человеком.

По-видимому, человек говорит, когда ему чего-то не хватает. Он пытается обрести целостность, но ощущает лишь длительные и затухающие колебания маятника.

Часть 13. Путь - это поток.

На самом деле, нет ни движения вперед, ни движения назад. Есть лишь приливы и отливы. И они не зависят от нашей воли. Поток – это река мышления, которая рано или поздно выведет к морю, а затем в океан.

Часть 14. Одушевленные и неодушевленные вещи.

Современный человек не хочет вникать в то, как что-то работает: узкая спецификация и разделение труда привели к тому, что мы перестали лезть "не в свое дело", поскольку на каждый случай существуют особые профессионалы. Универсалы не приветствуются. Мы живем в мире профессионалов, где каждому отведена своя эпизодическая и строго функциональная роль. И эта роль жестко закреплена за каждым, а ее утрата может стать причиной полной утраты личности как таковой.

Именно отсюда идет наше фундаментальное, постоянное пожелание в том, чтобы все работало само собой, чтобы вещь выполняла все, что от нее требуется при минимальных усилиях с нашей стороны (промышленные роботы, коробка-автомат, телевизор, стиральная машина и т.п.). Мы не замечаем, как сами перестаем играть ведущую роль в нашей собственной жизни, стараясь во всем опираться на опыт большинства и поступать одинаково.

Энди Уорхол, будучи преимущественно циником в искусстве, мечтал о времени, когда все будут мыслить одинаково. Вот это время настало. Никогда деньги не значили так много, как они значат сейчас. За каждым человеком я слышу шум работающей машины. Это энергия круговорота ценностей, энергия ужасающей цикличности периодов жизни. Это энергия преумножения. И каждый подключившийся к этой энергии, подключается к своему многократному воспроизводству. Люди перестали воспроизводиться посредством секса, теперь они воспроизводятся посредством денег.

Всякое обращение к машине есть проявление беспомощности. Машины одиноки и асексуальны, поэтому безбрачие машин ведет к безбрачию человека, долго общающегося с ними.

Часть 15. Удовольствие от морали или мораль удовольствия.

Может ли мораль доставлять удовольствие? И может ли удовольствие быть нравственным? Ведь в каждой морали присутствует элемент удовольствия. Это подобно нагнетанию давления в сфере, которое при некотором критическом значении приводит к взрыву. Именно поэтому удовольствие находит выход в оргазме. Поэтому удовольствие раскрывается в ограничениях.

Все равновесные системы скучны и тоскливы. Фактор равновесия, как правило, является и фактором тотального разочарования.

Часть 16. Фатум. Либи́до. Сбои.

В некоторых современных вещах явно воплощен какой-то фатум. Например, мощный и красивый автомобиль, который является воплощением материальных грез и кратчайшим проводником на тот свет.

Но сексуальную щекотливость фатума следует отличать от запертого либи́до технических сбоев. Я говорю о технических неполадках, которые нас доводят до иступления. Если барахлит машина, телевизор или компьютер. Вещи мстят за себя. Человек не терпит недоразрушения, потому что это ущемление либи́до. Например, треснувшая посуда, которую хочется разбить вдребезги и т.д. Стоит представить себе абсолютно безотказную вещь, как становится жутко.

Часть 17. Копии.

Я стою возле ксерокопировального аппарата и наблюдаю, как один за другим из машины вылетают идентичные друг другу листы. Мы не просто копируем, мы клонируем. Нас уже не устраивает схожесть с оригиналом, нам необходимо полное совпадение по всем параметрам. Нам нужно стереть различия между копией и оригиналом. И мы всячески стремимся к осуществлению этого перехода. Ибо обладание оригиналом элитарно, а в обществе изобилия идет стремительное размывание элит. Перед потреблением все должны быть равны – вот основной закон современного общества.

Конечно же, большинство серийных вещей могли бы выпускаться гораздо более высокого качества при примерно равных производственных издержках. Но вещь онтологически должна быть похожей на человека и не имеет права ускользнуть от смерти.

Еще одной попыткой склонировать полноценную жизнь является потребительское кредитование. Хроническая инфляция и дороговизна "основных материальных ценностей" (образование, ремонт, квартира, автомобиль и т.п.) заставляют людей влезать в кредиты, чтобы опередить время. Ведь человек должен покупать, чтобы общество продолжало производить, а сам он мог работать, чтобы заплатить за уже купленное. Психологическое бремя кредита отравляет человеку жизнь, ибо любая непредвиденная ситуация может лишить его всего. И вместо того, чтобы наслаждаться жизнью, он наслаждается видимостью этой жизни. Если, конечно, это можно назвать наслаждением.

Часть 18. Очереди.

Недавно я в очередной раз стоял в очереди. Это была очередь в военкомате. А до этого я стоял в очереди в Едином Информационном Расчетном Центре. А еще раньше я

стоял в очереди в Федеральной Миграционной Службе. А еще до этого я стоял в очереди на получение справки о медицинском освидетельствовании. А за месяц до этого я стоял в очереди в ЗАГС и т.д. и т.п. Я стою в очередях всю жизнь. И только теперь я начал понимать, что очередь - это просто неотъемлемая черта "советского человека", который устроит очередь везде. Даже в групповом сексе. Наши люди сами перемещают за собой очереди. Эти люди сами являются источниками зарождения очередей. Когда же очереди нет, наш человек испытывает неловкость, страх, панику. Он не знает, как себя вести. Это "ненормально". Возможно, очередь проникла в нашу генетическую память. Постоянный дефицит продуктов питания, промышленных товаров и всего на свете в СССР внес в психику советского человека необратимые коррективы. Мы не мыслим себя без очереди. И мы воспринимаем свою жизнь только в координатах очереди. Сначала ты родился, потом пошел в детсад, потом в школу, потом в институт, потом армия, потом на работу, потом женился, потом родил детей, потом вышел на пенсию, а потом умер. Мы привыкли все делать поочередно. Вполне вероятно, что мы не мыслим себе жизни без очереди, ведь в этой самой очереди мы становимся звеном в цепи: еще недавно вне очереди мы были никем, предназначены сами себе, теперь же в очереди мы часть единого целого, мы вместе, мы связываем между собой целую кучу людей. Мы нужны, мы востребованы, мы важны.

Часть 19. Наслаждение тишиной.

По вечерам, когда я остаюсь один, мне кажется, что я очутился на незнакомой планете, и мне неизвестно, кто все эти люди, которые меня окружают, и я не понимаю их мотивов, я не понимаю их желаний, я не вижу в них ничего, кроме безразличия. В мегаполисах все делается из безразличия. Это безразличие активно. Оно стремится к поглощению все новых жертв.

Тишина растворяется, как сахар. Движение, подхваченное толпой. Воспоминания любви. Пространство расступается. Мир весел. Мир понимает. Солнце светит. Лица узнаваемы. Слова осознанны. Понимание молниеносно. Все зависит от одной простой вещи. А простые вещи всегда самые сложные. Скольжение на кончике солнечного луча. Пустота охватывает внезапно и целиком. Я просто хотел сделать что-то важное. Но погода портится, ветер меняется, солнце уходит, свет выключается, люди уходят. В прошлом живут наши самые близкие люди. Меняется все. Общение остается в истории. Мы приходим и уходим. И в какой-то момент не возвращаемся.

Откуда берется злость, случайно сквозящая в разговоре с близким человеком? Откуда берется нетерпение? Я сижу и слушаю тишину.

Все мы перманентно находимся на полпути к чему-то. Мы не приходим к чему-то законченному, мы не пересекаем вехи, дающие отсчет новому этапу нашей жизни, мы не движемся вдоль конкретных значений на координатной оси, не идем к дискретной точке, за которой последует другая дискретная точка и так далее. Мы вращаемся вокруг одной и той же точки, словно пойманные в ее гравитационное поле. И эта точка момент нашего рождения. Мы возвращаемся к этому моменту, каждую

секунду. Поэтому я сегодня настолько же близок к своему рождению, как и 10 лет назад. Мы постоянно находимся в состоянии перехода. От чего-то к чему-то.

Часть 20. Очевидное и пустота.

Очевидное - наиболее трудно доказуемо. Недоверие к тому, что можно увидеть невооруженным взглядом. Общение с людьми по необходимости.

Фотографии женщин прекрасны, но в каждой такой фотографии столько от сфинкса, что невольно образ ускользающей красоты трансформируется в образ то ли дремлющего, то ли бодрствующего ужасающего существа, стерегущего пустоту.

Часть 21. Оргия вещей, стремящихся к перерождению. Диалектика любви.

Изображение страха, любви, потрясения, счастья, радости, чувства. Движение к необозначаемому, невидимому, немислимому, непроизносимому, неразборчивому, не поддающемуся вычленению. Разнообразие чувств, спекшихся в однородную субстанцию, в один нечленимый момент времени.

Я воспроизвожу свои мечты в голове, словно обращаясь к сохраненному в компьютере файлу. Я запускаю его снова и снова, ожидая чуда. Я теряю слова, людей, желания, чувства, способность понимания, но снова и снова воспроизвожу давно утратившие актуальность мечты, от реализации которых уже ничего не зависит. В такие моменты я заглядываю в зеркало, понимая, что любое восхищение собой в зеркале кровосмесительно.

Непрерывное вращение в кругу своих потребностей, как в колесе сансары. Гибель и воскрешение как ежедневный подвиг.

К сожалению, в нашем мире ни одна любовь не является причиной для возникновения другой любви. Иногда мне кажется, что мы все просто маленькие холостые механизмы безумия. А вырабатываемое в процессе нашей жизнедеятельности тепло мгновенно погибает, не успев дойти до близкого человека, лишь изредка реинкарнируясь в сны.

Мы - цивилизация количества, не переходящего в качество.

Часть 22. Содержание исчезновения и появления

В выходные солнце светит как-то по-особенному. Рабочие будни растворяются в воздухе, как привидевшийся кошмар. Даже время идет медленно, не торопясь, позволяя нам остановиться и взглянуть на свою жизнь. Много ли в ней смысла? Бесконечные тревоги, разъедаемые сомнениями поступки, миллионы слов, пущенных в мир без малейшей необходимости. Каждый пытается найти смысл там, где его никогда не было.

Ее глаза ткнут вокруг себя кружевную магию света. Радужные оболочки вокруг зрачка. Время надувается, как гигантский воздушный шар. И я лечу на нем, уносимый выхватывающими меня друг у друга ветрами, словно отправленное несколькими адресатам электронное письмо.

Часть 23. Волшебство настоящего.

Все самое хорошее в нашей жизни происходит случайно. Скоро осень, это чувствуется в воздухе и в траве, которая шуршит холодной и скользкой фактурой, словно нож, приставленный к горлу. Музыка и странное смятение, которое приходит с каждым новым похолоданием и потеплением, мои мысли связаны в узелки, и я распутываю их, как индеец майя, знакомящийся с наследием предков. Я хочу остановить время, но время несет меня вперед, и я теряю связь между прошлым и будущим. Поиск настоящего. Нет ничего страшнее времени, меняющегося прямо на глазах. Самое страшное в мыслях то, что они не звучат.

Когда я думаю о волшебстве, я вспоминаю туапсинскую железную дорогу, по которой я еще ребенком добирался с тетей из дачи в город. Стояла ночь, и прибой грохотал, обрушиваясь своими зеленовато-голубыми тяжелыми водами на поросшее водорослями железобетонное ограждение, которое сплошь было исписано любовными признаниями и названиями городов, откуда приезжали побывавшие здесь когда-то отдыхающие. Свет фонарей отражался в сказочной аквамаринового цвета воде и создавал дивное свечение. Иногда я возвращаюсь в то свое состояние. Когда ощущение радости переплетается с каким-то внутренним горьким счастьем, когда красота гипнотизирует и парализует. И ты ощущаешь свою полную беспомощность перед красотой, ибо она всесильна, она беспощадна, она непрекаема.

Часть 24. Рассветы и закаты. Ряды сходящиеся и расходящиеся. Коды, сохранившиеся и утраченные, зарождающиеся из тайнописи природы. Проникновенные слова. Радостные события. Яркие воспоминания, граничащие со сном.

Печатная машинка. Лист, лежащий передо мной, как пациент на операции. Вивисекция. Я печатаю на машинке без крышки, как математик из фильма Арановского, работающий на вскрытой клавиатуре. Эстетика заглядывания вовнутрь. Каждая весна приносит с собой боль. Это случается в какой-то конкретный ничем не примечательный день. Ты не ощущаешь ничего странного, как вдруг мир меркнет, и наваливается такая тоска, такая опустошенность, что все в жизни становится бессмысленным и беспросветным.

Сегодня у меня практически не осталось друзей. С университета я не завел ни одного нового друга. Мегаполис - перенаселенная пустыня. Я не знаю соседей по лестничной клетке. Иногда я общаюсь со своими старыми знакомыми или одноклассниками. Но

стоит нам встретиться пару раз вживую - и все, ты понимаешь, что контакта не случилось, да и не могло случиться в условиях двух непересекаемых вселенных.

Вот и наступил вечер. Я вернулся с работы и снова за своим ноутбуком, как перед зеркалом, в котором отражаюсь в виде слов, фраз, звуков, идей, желаний. Снова роман никак не хочет двигаться дальше - это напоминает беспощадные и бессмысленные фрикции после упущенного оргазма.

Кто-то в транспорте сказал, что мы живем среди событий, показанных по телевизору, и чувств, испытанных при просмотре очередного фильма.

Часть 25. Жизнь среди вещей.

Большие деньги вращаются в некоем недоступном пространстве, и сколько бы я ни рвал зад, доступ к этому пространству закрыт. Фишка в том, что деньги – всегда самоцель. Думаю, что по-настоящему большие деньги зарабатываются только ради денег: ни для власти, женщин или новой недвижимости, - а для воспроизводства самих себя. Деньги управляют людьми, а не наоборот.

Считается, что моделью всех ритмических жестов является ритмика сексуальная. Все, что делает человек в своих жестах, он делает и со своим сексуальным партнером. В жестах разворачивается богатая фаллическая символика, а также символика фрикций, прикосновений, шлепков, трения, эякуляции, конвульсий, сокращений, оргазма и т.п. Поэтому активно жестикулирующий политик – это по сути человек, который на моих глазах изнасиловал воображаемого партнера.

Как бы это цинично не звучало, но вещи всегда притворяются женщинами, чтобы их покупали.

Мы проецируем человека на его вещи, поэтому, не имея возможности заполучить человека, мы стараемся заполучить его вещи. Присваивая себе вещи любимого человека, можно присвоить себе его присутствие, вещи влиятельного человека могут излучать могущество и т.д. Вспомните, сколько людей не вернули вам книжки, которые брали почитать, или диски, которые брали послушать.

Часть 26. Ускорение в пустоте.

Автомобили – ярчайшее проявление социального статуса. Гоночный автомобиль в условиях регламентированных правил дорожного движения является символом вседозволенности. И символом неуловимости, недостижимости его владельца. И в этом контексте, нет ничего интимнее скорости, позиционирующейся в массовом сознании как героическая игра со смертью.

Так уж устроен мир, что труд больше не порождает богатства, любовь - счастья, а творчество - гармонии.

Иногда я вижу будущее. Оборудованное хай-теком и коммуникативным холодом будущее, в котором я странствую между зданиями, вылитыми из стекла и алюминия. И почему-то каждое здание, в которое я захожу, напоминает аэропорт: стеклянные фасады от пола до потолка, каждый сантиметр, напичканный электроникой, и люди, которые вот-вот расстанутся и, возможно, не встретятся больше никогда. Солнечный свет, проникающий снаружи и рассеивающийся равномерно и тревожно. Множество флагов по всему периметру и микроквартиры - ячейки, в которых живут люди, некое подобие камер хранения. Я вижу, как люди улыбаются друг другу, и улыбка означает только одно - приглашение к сексу. Я ощущаю среди этих людей какую-то странную зловещую гармонию, какое-то парадоксальное ощущение счастья. И в этом своем ощущении я блуждаю по бесконечным лабиринтам, которые создала нам технология и вечное стремление человека уйти от боли.

Часть 27. Пробуждение в мерцании утреннего света. Сумерки антиискусства. Цветущая во взгляде энергия жизни.

Вот и снова осень. Присутствие покоя, накатывающего волнами. Время примирения со временем и образами. Умиротворение и сон вещей. Она еще спит, но мне кажется, что она не человек. Она той же природы, что и картинка в формате *.jpeg.

Часть 28. Двойники. Вечные циклы.

Фантазм двойника. Мечта о размножении собственного существа. Когда двойник обретает материальную оболочку и становится видимым, он несет неминуемую гибель. В чем угодно не только может присутствовать что угодно, но и присутствует.

Мы все скапливаемся вокруг центров пустоты. Пустые центры, являющиеся сгустками энергии пустоты. Центры без периферии. Энергия без вектора. Направление без пути.

Коррекция и опорожнение памяти. Мы все на конвейере социального благополучия. И если нас не признают браком и не снимут с линии еще на начальных стадиях, мы будем долго трястись на ленточном механизме социального благоразумия, бесконечно обрабатываясь и доводясь до нужной формы и содержания, до тех самых пор, пока мы не выйдем в тираж и нас не снимут с производства. Перспективы нашей дальнейшей социальной жизни только одни: непротивление явному злу со стороны репрессирующей машины государства и биологическое самовоспроизводство в последующих поколениях, в которые мы сами вложим демократическую идею подчинения мнению большинства. И только изредка, сталкиваясь с произведениями творчества свободных людей, мы будем ненадолго отходить от сна разума и пробовать восстановить в себе силы самостоятельного мышления.

Размышляя о будущем человечества, неизбежно приходишь к мысли о клонировании. Клонирование заменяет половое размножение, всегда несущее в себе идею смерти.

Высвободившееся бессмертие может сыграть с человечеством злую шутку. И потом, если вся информация содержится в каждой из частей, то их соединение теряет смысл.

А клонирование приводит к мыслям о многократных повторениях того же самого, тавтологиях. Любое событие, развиваясь, является иерархически вертикальным. Тавтология же придает ему горизонтальности. И событие начинает расти не вверх, а вширь. Это своего рода ризома, снимающая иерархичность, обесмысливающая развитие. Это конечная остановка всякого процесса. Прекрасным примером, иллюстрирующим тавтологии, является трансляция новостей по телеканалам. Одни и те же события, трактуемые на различный лад, очень напоминают сообщающиеся сосуды. В этом смысле повторение не преследует цели разобраться в событии, оно лишь заостряет внимание, создавая своего рода кружение одних и тех же смыслов, перетекающих в новостные блоки всех соседних телеканалов.

Часть 29. Расстояние, пройденное в цитатах.

Движение не есть пройденное расстояние. Пройденное расстояние делимо, движение же неделимо, а если делится, то меняет свою природу. Отсюда следует, что все пройденные расстояния принадлежат одному и тому же гомогенному пространству, тогда как движения разнородны и несводимы друг к другу. Мы не можем восстановить движение через непосредственные срезы. Бессмысленность путешествий.

Стечение обстоятельств. Вот как можно охарактеризовать мою жизнь. Если бы не какое-то обстоятельство в прошлом, то все в моей жизни пошло бы совершенно иначе. Возможно, существуют параллельные миры, в которых мы делаем все намного иначе, чем в этой жизни. Но, видимо, в этой нашей жизни присутствует некий особо важный смысл. Нечто, что возвышает нас над всеми остальными жизнями. Бесконечная связь самоподобий, фрактальная геометрия личности.

Абсурд – основа нашей жизни. Вспомним фитнес-центры и диетологов. Мы тратим кучу денег, чтобы заниматься физическим трудом и ничего не есть.

Часть 30. Ситуация преодоления преодоления.

Возвращаясь к тавтологиям. Когда-то Раушенберг написал "Factum I" и "Factum II" – две по-разному называемые, но почти совершенно одинаковые картины. Я пытался понять суть тавтологий, пока не пришел к осознанию пустой поэзии (black poetry), то есть поэзии, не требующей содержания и состоящей из одного названия. Насколько соотносимы пустота и пустота?

Растяжение мига до вечности, и сведение вечности к мигу.

Слова – это взрывчатое устройство, которое при каждом употреблении мы обезвреживаем.

Цивилизация калькулятора. Неизменный атрибут шефского стола. Одержимое стремление все посчитать. Все является очень туманным до тех пор, пока мы это не посчитаем. Все, как всегда. Офисный планктон покоится в своей среде. Мимо проплывают крупные рыбы, захватывающие его в свой гигантский рот. У планктона не может быть секретов, планктон считается слабомыслящей субстанцией, поэтому для нее предусмотрены загоны, исключающие приватность. Все телефонные разговоры, все эмоции видны каждому и всем. Коллективный психоз. Коллективная жизнь. Коллективная смерть.

Часть 31. Числа, стремящиеся ко взрыву.

Я часто думаю о возрасте, о том, что все жизненные свершения каким-то образом увязаны с количеством прожитых лет. Я всегда усматривал в цифрах какую-то магию, закономерность, трансцендентность, взаимосвязь. Думаю, что на самом деле все сущее сопоставимо, подлежит сравнению: огурец можно сравнить с блюдцем, стол с телевизором и т.д. И первое, что приходит мне на ум при попытке унификации всего сущего, это сравнение габаритов, длительности или еще чего-либо в этом роде, - иными словами, приведение к числам.

В моем возрасте числа сменяют друг друга, и за каждым из этих чисел стоят ситуации, а за ситуациями события, а за событиями мотивы, а за мотивами страх, а за страхом одиночество, а за одиночеством наивность, а за наивностью доброта, а за добротой пустота. И здесь слои личности заканчиваются и начинается уровень связи с внешним миром, с порядком вещей. Я не говорю о реальности, ибо не могу дать определение этому понятию. И тем не менее, именно через пустоту мы связываемся со всемирным порядком. Ведь из пустоты можно получить все что угодно, это как белый свет, разложенный на составляющие. Пустота многогранна, пустота - основной, базовый элемент всего сущего. Но, если буддистские монахи правы, и в пустоте нет пустых мест, то получается, что все находится на своих местах. Но с годами я все отчетливее понимаю, что ни у чего нет своего места.

Часть 32. Проблема отчетливых восприятий.

Мысли можно замкнуть в гомогенном поле, иными словами, поместить в кадр. Именно этим занимается художник, пишущий абстрактную картину. Мы как феерическое мерцание нашего бытия, погруженные в тоску о скрещении времен, где утро и вечер сливаются в сиянии дня. Удачным финалом можно назвать только упоение, когда наслаждение превосходит желание.

Часть 33. Флирт с вещами. Эффект истины. Пропорции.

Вещь не должна сразу отдаваться человеку. Человек должен быть очарован ею. Она должна открываться ему часть за частью, словно пронизывая собой. Ведь только очарование приносит подлинное наслаждение.

Витрувий, повлиявший на все наше современное представление о пропорциях фигуры человека, сравнивал тело человека с пропорциями здания. Таким образом, господствующая в каждую историческую эпоху архитектура выявляет идеал конституции человека в данном конкретном обществе. Я считаю, что центральным символическим элементом конституции тела современного человека является его задница как средоточие плодородных свойств человека.

Часть 34. Терпение и миссия.

Терпение - еще одна мерзость. Я против терпения. Я против всяких проявлений терпения. Я не хочу терпеть. Не хочу терпеть, в призрачном ожидании вознаграждения за свое терпение. Я не могу больше терпеть, ибо в этом глаголе заложено коннотативное клеймо "домов терпимости". В каждом акте терпения есть изрядная доля проституции. Идеальная форма существования гражданина для государства: родился, потерпел и умер.

Я пишу в стол. И несмотря на то, что на дворе 21 век, общественная система каким-то издревле выработанным удивительным механизмом саморегуляции продолжает удерживать влияние людей вроде меня на периферии идейных процессов. И в данный момент единственное мое отличие от попавших в кораблекрушение мореплавателей только в том, что я запечатываю свои послания не в бутылку, а в компьютер.

Часть 35. Хроники рассеивающихся смыслов.

Поэзия - единственная болезнь, переживающая своего носителя. В жизни каждого поэта наступает момент, когда он понимает всю тщетность своих усилий, что его работы нацелены на связь со временем, а люди не понимают времени и не умеют с ним обращаться. Время общается с человеком на языке памяти, но память ничего не объясняет.

Обращаясь к памяти, человеку часто на помощь приходит фотография. Память, подобно скорости, превращает точку в линию. И там, где мы видим стоп-кадр, на самом деле находится фрагмент пути, нечто, извлеченное из существования. Фотография делает непрерывное дискретным, разбивает линию на точки, исключая движение, останавливая скорость.

Я пытаюсь перекинуть мост от метафизики к физике, но в конечном итоге, метафизика всегда побеждает физику, и я начинаю осознавать, что мост — это я.

Часть 36. Квантор бытия.

Мои первоначальные впечатления о мире складывались в атмосфере материнского молока, предметов в виде разнородных цветовых пятен, не поддающихся вычленению из общей картины мира, и отношения ко времени как к длительности, которая по определению очищена от опыта, памяти и стратегии поведения по отношению к себе.

Мы - производные от своих поступков. Нами движет желание ощутить комфорт, а следовательно, мы очень привязаны к здравому смыслу. Однако здравый смысл мне подсказывает, что я трачу огромное количество сил и энергии впустую, ибо работа, куда я хожу, не приносит мне ни особых денег, ни удовлетворения. Тем не менее, она позволяет мне держаться наплаву. И, к сожалению, это лучшее, что мне повстречалось в моей ситуации. Следовательно, здравый смысл не является гибким, он не заточен под конкретную ситуацию. Он существует сам по себе, безотносительно к условиям своей реализации. А это в очередной раз подтверждает существование пустоты, невидимой части жизненного спектра, в которой формируется страх перед реальностью, и в первую очередь, перед реальностью себя самого.

Часть 37. Погруженность в возможные миры. Классификация хаоса.

С самого начала недели я начинаю ждать выходных. Ближе к концу недели время начинает замедляться. Замедляются процессы пищеварения, психические реакции, мысли, события. Все замедляется, попадая в необъяснимый коллапс волновой функции. Все создается из хаоса и в хаос же возвращается. Та стройность, которая время от времени сопровождает нашу жизнь, несвойственна нашему образу мышления. Именно поэтому, мы впадаем в панику при малейшем ощущении завершенности какого-то этапа нашей деятельности: будь то устоявшаяся личная жизнь, сложившаяся трудовая карьера или выработка собственного почерка в творчестве. Ведь жизнь не меняет свой вектор, не меняем его и мы, но возникает ощущение, что что-то меняет его извне.

Наши представления о времени слишком геометричны. Жизнь каждого человека есть отрезок. Из пункта А в пункт В. Просто отрезок по ленте Мебиуса. Мы одновременно изнутри и снаружи. Мы называем плоскость своего существования пространством, а длительность своего существования временем. Человеку свойственно преувеличивать свое значение. Однако трудно отрицать тот факт, что у каждого человека свой мир, и мир другого человека ему параллелен. И в самом деле, по большому счету, другой - всегда персонаж из параллельного мира. А не пересекаются эти миры по одной простой причине. Но эту причину не знает никто.

Классификация неотрывна от понятия признака. Наделив вещи признаками, мы начинаем их классифицировать, а затем сравнивать. Все познается в сравнении. И мы сравниваем похожие и непохожие вещи, увязывая одно с другим, притаскивая за уши одно к другому, выводя одно из другого. И за этими бесконечными сравнениями мы теряем связь с вещами. Поэтому к вещи можно пробиться только случайно, не готовя себя к этой встрече, не "включая мозги". Это сродни дзенскому принципу "отпущения ума" или античной атараксии, когда настраиваешься на чистое созерцание, без вмешательства разума. Именно тогда вещь "открывается", выявляя свою имманентную суть. Мы проникаем в тайну этой вещи, подключаемся к циклу ее существования. Мы разгадываем вещь, открывая ее заново. Мы остранимся, чтобы ухватиться душой за то, с чего разум обычно соскальзывает. Классификация прекрасна своей интенцией уловить общее, признаки сравнения, но она

бесчувственна к вещи, безотносительна к ее содержанию. Она сковывает вещь. И в этом смысле, мне приятнее видеть общее между зонтиком и швейной машинкой.

Ничто логическое не несет информации. Там, где главенствует синтаксис, содержание дремлет.

Часть 38. Белый цвет. Осеннее бездействие.

Белый цвет. Начало начал. Нечто, находящееся по ту сторону всего. Идеал. Источник стремлений. Воплощение наполненности в пустоте и пустоты в наполненности. Цвет-центр, в котором сходятся все остальные цвета. Цвет чистого листа. Цвет перенаправленного вовне внимания. Цвет движения в суть вещей. Цвет схождения и расхождений. Судьбоносных решений и случайных ошибок. Цвет, ведущий во что-то более мощное, что-то более значимое. Цвет, ведущий ко всему, чему случается быть на этой земле, что имеет место, что происходит и развивается. Обычно я наблюдаю этот цвет в особом расположении духа, в состоянии близком к озарению. В этот миг все словно отодвигается на второй план, и мысль начинает вращаться вокруг себя, подобно гусенице, ткущей вокруг себя кокон. Именно это предвещает то необъяснимое чувство потрясения от созерцания очевидного, что заставляет пересмотреть все жизненные ценности и обрести в своей жизни понимание взаимосвязи всего сущего. Мы начинаем чувствовать кожей время, его течение, его ускорение и замедление, его отсутствие и появление. Мы начинаем раскрывать тайну красоты, шаг за шагом, разочарование за разочарованием, поражение за поражением.

Горы света меняются перед глазами как подвижная масса. Звезды изрезают мою жизнь пунктирами. Все стремится к своему продолжению. Осенняя листва затягивает в сладкий омут. Будто бы все важное и значительное осталось позади, и мы можем расслабиться и предаться воспоминаниям. Время действий прошло, вместе с осенним воздухом мы вдыхаем умиротворение. Отсутствие стремлений. Цель, замкнутая на самой себе. Мои шаги отчетливы. Я слышу, как гулко хрустит под моими ногами асфальт. Как в старых фильмах, когда возлюбленные, держась за руки, бегут под дождем.

Часть 39. Истина, дремлющая в противоречиях. Лабиринты под стеклом.

Основная проблема истины в том, что она не обладает той силой убеждения, которой обладают ошибки и ложь. Истина всегда неявна. Истина всегда неустойчива. Истина - всегда еле заметный контур, обрамляющий пустоту. Возможно, все истины изолированы друг от друга и между ними нет никакой связи, кроме отчаяния их сознющего. Большинство истинных вещей банальны.

Истина подобна лабиринту, а лабиринт - это суть медитации. Лабиринт напоминает кишечник, мозги. Внутри лабиринта ничего нет. Кроме материализации хаоса. А следовательно, начала. Лабиринт - модель некоего воображаемого разрушенного города, в котором все были счастливы.

Всякая вещь в глубине своей антропоморфна. Всякая чрезмерность по своей природе - женственна. И подобно тому, как количество, дойдя до некоего критического порога, переходит в качество, - любой фаллический предмет, превысив некий максимальный размер, превращается во вместилище, матку.

В красочности как бы есть что-то непристойное, неприличное, недостойное. Наденьте красный костюм - и вы окажетесь более, чем голым. Яркий цвет - цвет праздности досуга, ему не место в муравейнике.

Почему-то будни - всегда нечто первичное по отношению к выходным, отпуску или отдыху.

Все эффекты возникают из контраста.

В волокнах дерева сберегается время, поэтому деревянная фактура - идеал устойчивости во времени. Отдых в экзотических странах - всегда побег, попытка обмануть время.

От красоты до безобразия - один шаг. Истинный художник пытается удержать материал на этой грани.

Стекло подобно женщине: сквозь него все видно, но оно пропускает лишь взгляд. Стекло - воистину поэзия наших будней. Оно нерушимо, нетленно, не имеет запаха, не может стать мусором, это как бы нулевая степень вещества. Это материал будущего, которое, как известно, - прозрачно, чисто, прекрасно, ясно, понятно, безоблачно. Атриумы в торговых центрах, демонстрирующие безоблачное небо, а, следовательно, билет в изобилие, счастливое будущее. Но стекло всегда недозеркало.

Часть 40. Продление удовольствия. Решение проблем. Сложение и вычитание. Умножение и деление. Свет и тьма. Образ и вещь. Движение и остановка.

Усаживать людей - это явно не главная функция тех бесчисленных кресел и стульев, которыми наполнены офисы, коридоры, переговорные. Здесь акцент делается на имитации доверительного общения, отсутствия тайн, секретов, на игре якобы в открытую. Между тем, именно сидя на стульях, затеваются все интриги и зарождаются все неврозы современного офисного работника.

Жизнь - это поток. Подобно тому, как когда-то время было принято называть рекой, я называю жизнь потоком, бурным стремительным потоком, сметающим все на своем пути, сглаживающим острые камни. Нас несет в этом потоке. Зачастую в разные стороны. Мы встречаемся и расстаемся разносимые какой-то хаотичной энергией клокочущего потока, лишённого смысла и логики. Мы пытаемся во всем найти порядок и смысл. Мы пытаемся понять, что происходит с нами и окружающим миром. Мы пытаемся вычлени́ть во всем этом хаосе главное и второстепенное. Но все сливается в однородную странную надличностную массу, которой неведомы аргументы, эмоции, мораль. Наши представления о жизни и о мире слишком

конкретны, в то время как все происходящее с нами иначе как абстракцией не назовешь.

Аристотель считал, что если враг убивает врага, то это не тема для трагедии. Тема для трагедии - враг неожиданный, враг, который до самого последнего момента был другом, близким человеком. И в этом смысле наиболее показательна тема несчастной, безответной любви. Ибо объект любви, являющий собой всю благодать, все счастье, все наслаждение жизни, вдруг оказывается источником невыносимых страданий. Отвергнутый в любви - этиология всякой трагедии. Вот откуда она появляется и прорастает. Любовь, ведущая к саморазрушению, любовь деструктивная, репрессирующая, - вот сюжет трагедии. Любовь, рассматриваемая как выход и оказавшаяся тупиком.

Наряду с дверями и окнами существуют еще некоторые предметы с теми же названиями, которые, однако, по своему функционалу ни дверями, ни окнами не являются. Именно эти предметы чаще всего путают с дверями и окнами.

Зрелищность — вот что может быть смыслообразующим в литературном произведении. Но я говорю не о зрелищности сюжета или каких-то описательных подробностей. Я говорю о зрелищности мысли. То, что часто встречается у Борхеса и Уорхола. Литература - это живопись слова, музыка - это живопись звуков. Живопись - это начало всего. Нет ничего выше живописи, ибо живопись - это видение глазом и следовательно видение первичное, изначальное, насыщенное. Это то, что в последствии перерастает в слова, звуки и во все остальное. Я мыслю зрительными образами. Я бы очень хотел мыслить словами или звуками, но они приходят потом, в виде дополнения к чему-то зримому, тому, что находится в истоках человеческих трансформаций. Сколько прекраснейших женских фигур перебрали в моем сознании, сублимируясь в прекрасные поэмы и музыку. Все эти образы довели надо мной всегда, превращая мою жизнь в какое-то слепое следование своему глазу.

Часть 41. Центр без периферии. Наномир.

Воображение - реально. Я всегда доверял парадоксам. Именно поэтому я верю в существование несуществующих вещей.

Функциональность современных вещей определяется их сподручностью, мобильностью. Это прекрасно иллюстрирует современную тенденцию компактности всего сущего. Дефицит пространства и времени не позволяет нам иметь периферии - все концентрируется в центре, и вне центра существование чего-либо бессмысленно. Центр как сгусток всех функциональных особенностей с обрубленными второстепенными периферийными связями, которые объявлены балластом. Центр как чистое содержание. Центр как отрицание периферии и подготовительных и вспомогательных процессов. Все процессы должны протекать в один цикл и как можно быстрее. Оборудование призвано исторгать из своей системы промежуточные звенья: из сырья должно получаться готовое изделие. И это изделие, желательно,

должно быть удобным, чтобы можно было брать его с собой. Именно это является причиной ускоренного развития нанотехнологий. Не исключено, что когда-нибудь на этой волне мы целиком уйдем в наномир, и человечество редуцирует свои размеры до размеров насекомых. Это решит проблему полезных ископаемых и вредного воздействия на природу результатов деятельности человека. И, наконец, это решит проблему пространства, которого станет неизмеримо больше, и времени, которого возможно не станет вообще. Поскольку я подозреваю, что во всей вселенной не найдется ни одной другой планеты, пригодной для жизни, и, к тому же, вряд ли вне нашей планеты вообще существует что-то. Ведь даже солнце может оказаться адом. Мы одиноки во вселенной, это факт. И границы нашего мира совпадают с размерами нашей планеты. И если мы ничего не можем сделать с размерами планеты, то мы будем пытаться изменить свои собственные размеры.

Часть 42. Функциональный человек.

Вещи раздваивают время человека на активное время и время досуга. В активное время человек стремится отдохнуть, а во время досуга – довести свою активность до предела. Но дальше человек продолжает делиться. Подобно тому, как это было с предками человека, одноклеточными организмами, человек делится без остановки: мысли порождают мысли, чувства порождают чувства, движения порождают движения, слова порождают слова. Он не переносит непрерывность. Его преследует бесконечная дихотомия.

Не знаю, какой-то внутренний огонь заставляет его делать это. Но функция огня тоже делится на подфункции, а с появлением ламп накаливания, отопительных приборов, зажигалок, кухонных плит, стиральных машинок, посудомоечных машин, - его функция вообще стремится к нулю. Современная цивилизация всячески игнорирует открытый огонь, а противопожарная безопасность вообще стала культом современного человека. Огонь теперь присутствует где-то далеко, в книгах, на полигонах, незримо, а его поэтическое созерцание уступило место страху перед пожаром. Мы потеряли огонь, который нам принес Прометей. Мы пользуемся суррогатами, ибо потеряли вкус к чему-то истинному, чему-то первичному, жизнеутверждающему и смыслообразующему.

Часть 43. Красное как цвет в стрелке секундомера.

Красный цвет. Терпения снова не хватает. Люди, осень, дожди, замоченные ноги, зима подкрадывается, как коварные инопланетяне в голливудских фильмах. Новый город, совсем не тот, что прежде. Черный город комплексов и недоразумений. Почестному ложный город. Мираж посреди пустыни существования. Негодяи и ублюдки всех мастей, прячущиеся от дождя в огромных комфортабельных машинах, ярких и серых одновременно. Йогурт на голодный желудок, легкий закусок в кафешке, балконы, с которых я свешиваюсь по утрам, вдыхая утро и щекоча себе нервы балансированием на грани. Цвет искажения пространств, искажения времен. Укрепляющий и ослабляющий цвет. Цвет, запутывающий следы. Цвет, готовый

скрыться в любую минуту. Разность слагаемых, линейки и калькуляторы, пропасть близости, секунда, еще одна, время проваливается сквозь землю.

Иногда времени не оказывается ни в часах, ни в глазах, ни в движениях, ни в жестах, ни в предметах, ни в памяти. Вероятно, все истории похожи друг на друга. Люди, обводящие циркулем среду своего обитания. Пересечения параллельных прямых, вакуум скорости. Дыхание, ветер, взгляд, реставрированные чувства, фиксация на второстепенном, медитация как исходная точка стрессов.

Часть 44. Мертвая петля текста.

Текст, сплошной как паста, выдавливаемая каждое утро из трагедии моего существования. Красивые сиськи, увиденные в течение дня, циркулирующие как круговорот воды в природе, испаряющиеся и снова материализующиеся. Это фокус, цирковой трюк. Я словно воткнул в тишину, которая трещинами расходится в стороны.

Скрытое ото всего движение чувств. Застающих нас врасплох чувств. Коверкающих нам жизнь и смерть, любовь и ненависть, радость и горе. Границы стираются. Границы исчезают с каждым новым прикосновением, с каждым новым обманом. Наши надежды переливаются в наших руках, как камушки, найденные ребенком на море. Еще секунда и они окажутся на дне. Все великие свершения и маленькие открытия, которых мы ожидали, молчат. Клочки старых забытых мелодий, исходящих из сердца вместе с очарованием свежего воздуха, омывающего выставленные в палатке сочные фрукты. Секс как марафонский бег от "хочу" к "могу". Мышцы, напряженные после рабочего дня, плоского как ленточные черви. Натренированные жопки полуодетых девиц с пронизывающими рентгеном глазами, возвращающихся с очередной университетской пары. Не признаю никакого джоггинга, кроме телевизионного. Автобус с веселыми и грустными рожами. Смех, выветренный из серьезных помещений, где зарабатывают деньги и ведут взрослый образ жизни, попивая третьесортные чаи и теребя друг друга под столом ножкой.

Часть 45. День и ночь. Пронзительность весны и сладострастность лета. Мякоть спелых плодов и черствость телевизионных новостей. Рождение трагедии и конец комедии.

Фразы, образы, лица близких мне людей, я всегда верил в торжество доброты и чуда. Последний день лета, что я могу написать в последний день лета, глаза испускают свет, как движение против течения, не знаю, почему такие сравнения, мои записные книжки спят, как утомившиеся подвижными играми котят. Сегодняшний город был прекрасен, и я словно парил по нему, как в картинах Шагала, мимо прекрасных витрин с очаровательными длинноногими продавщицами, внимательно вслушивающихся в нелепые пожелания покупателей, у них свой заговор, они все заодно.

В этом предосеннем безумии я не нахожу себе места, все роли расписаны и уже играют, я же словно совершенно с другой планеты, когда мне жарко, мне на самом деле холодно, все эти юные и шелковистые загорелые тела с симпатичными головами и незамысловатыми желаниями, все эти табуны, пробегающие мимо и оставляющие после себя характерный запах надушенных взмокших тел. Я пережил Искусство. Я словно динозавр, переживший свой климат, я словно лохнесское чудовище, которое наверняка видели миллионы, но посчитали, что оно должно выглядеть оригинальнее, и просто не обратили на него внимания.

Часть 46. Реликтовое излучение утраченных символов.

Моя печатная машинка печатает по линии, а как бы я хотел, чтобы она печатала по спирали, я бы так хотел, чтобы фраза заканчивалась в том месте, откуда исходят все предыдущие фразы. Подозреваю, что слов давно уж как не существует, и все наши фразы не больше, чем реликтовое излучение утраченных смыслов.

Пространства перемешиваются. Мы оказываемся в этом странном миксе, по ту сторону причин своего существования. Мы тайно по частям поедаем друг друга, с опаской поглядывая на нечто, объединяющее нас в лабиринтах высеченного из камня города, который, словно искра, резко вспыхивает и так же мгновенно растворяется в сумерках. Город-мираж. Город-пустота. Город-безумие.

Часть 47. Изнеможение от страсти.

Я разглядываю женщин с таким наслаждением, словно стою в кондитерской, выбирая любимые сласти. Я смотрю на них с таким восхищением и недоумением, словно передо мной существо с другой планеты, прошедшее совершенно другой эволюционный путь развития и не имеющий со мной ничего общего, кроме взаимного интереса. Восхищение от осознания того, насколько мы разные, женщина - чудо природы, цивилизации, общества. Вся истории эволюции, цивилизации, развития и знания построена на уровне взаимоотношений с женщинами. Кошмарно счастливые детские сны.

Женская грудь как нескончаемое путешествие на край себя. Изнеможение от страсти. Мелкая дрожь. Я пропускаю ее вперед и, о безумие, солнце расцветает в ее бедрах сквозь тонкое платье. Беда. Я ослеплен. Ее глаза, застывшие в моей памяти как слепок моего отчаяния. Я ищу ее грудь, как только явившийся на свет детеныш.

Часть 48. Знакомый с детства мотив. Ноты рассыпаются.

Мы теряем солнце в сутолоке безумного дня выживания. Мы выживаем день за днем, пытаюсь никому не уступать свое место под солнцем. Мы боимся услышать самих себя, ибо боимся осознать, что перестали себя понимать. Просто набор не желающих поддаваться логике желаний. Думаю, в некоторых случаях логика просто неуместна.

Мы нагромождаем образы друг на друга. Когда я слушаю музыку, ноты рассыпаются. Как карточный домик. Как домик. Как место, где я мог бы чувствовать себя хорошо.

Всех нас что-то объединяет. Только вот что? Что заставляет нас испытывать потребность друг в друге? Я общаюсь с разными людьми. Часть из них давно умерла, но даже не подозревает об этом. Часть пребывает в коме. И только небольшая часть по-настоящему живых людей удерживает меня от полного ухода в себя.

Часть 49. Поэзия обыденности.

Гитара. Символ рок-н-ролла. Спасение утопающих. Движение вопреки. Несколько нот, выхваченных из жаркого блюза, услышанного накануне, все кружат и кружат в мозгу. Понижение. Погружение. Падение. Мягкое звучание сердца, пока лежишь на траве и сверху пролетают птицы, и солнце светит, и свет покоится на всех предметах, поражая великолепием реальности. Биение крови. Лето мажется на город, как масло. Мы все в масле. Страстные полуголые тела, жаждущие поцелуев.

Я покупаю новую записную книжку. Она красного цвета. Цвета крови первомайских парадов. На ней японский иероглиф. Сакура. Я перелистываю ее в книжном магазине и ощущаю теплый умиротворенный аромат печатных изданий. Я покупаю эту книжку и несу ее домой. Символы, которые она излучает, сопровождают меня весь день, и только вечером, ложась спать, я замечаю, как свежие мысли одна за другой прорываются сквозь пелену бытовых раздумий.

Новый день. Предметы затихают в ожидании своего обнаружения. Ибо к каждому предмету следует подобраться. И надо сильно постараться, чтобы он дался в руки. Радость. Ролик, записанный вчера на телефон и просматриваемый сегодня в постели. Деревья во дворе. Молчание осени. Звуки распускающихся событий в потаенном вкусе чая.

Солнце как знак юности. Знак зарождения новой жизни. Знак перемен. Энергии. Обострение чувств, эмоций. Движение вперед наперекор всему. Сквозь понимание хрупкости своего существования.

Философия черного - неопределенность, бессмертие, глубина.

Весна. Еще один дождливый день. Круговорот настроений. Все кажется таким абсурдным и нереальным. Людей нет. Деревья напоминают зеленое месиво. Нет ничего, что могло бы развеселить. Я просто сижу у окна и смотрю во двор. Изредка я наблюдаю, как растет мой живот. Он становится круглым и гладким. Он скрывает все мои жизненные соки. Я бережно беру его на руки и несу на диван. И, обсуждая с ним события дня, мы засыпаем в объятиях.

После последних нескольких интересных встреч мои руки постоянно пахнут женщиной. Уже не знаю, что с ними делать, такой устойчивый запах. Сегодня они меня наверняка доведут, и я их трахну...

Я стараюсь писать свои романы, как картины, нарисованные текстом. И как в картинах нет начала и конца, то же самое, по сути, можно сказать и о моих романах: в моих произведениях обычно присутствуют центр и периферия, которые я всячески пытаюсь поменять местами, как в оптическом обмане. Я не преследую цели создания повествования - лишь сочетание цветов, фактур, образов, настроений, впечатлений.

Жизнь серьезна, искусство - весело. Добро и зло входят через субъекта. Нельзя представить себе небытие предмета, не представив себе предмета.

Офисы - корпоративные тюрьмы. Такое ощущение, как будто все пребывают в глубочайшем заблуждении, да еще и тебя пытаются втянуть в это безумие. Большинство ныне живущих людей происходят из семей рабов.

Зима не заставляет себя долго ждать. Она всегда появляется неожиданно. В белый морозный пустой ничем не примечательный день хожу по улицам, вглядываясь в лица прохожих. Отсутствие тепла сражает наповал. Плетусь по снегу в заплетающихся мыслях, петляя в мерцании ночных огней.

Музыка произрастает, как цветок. И ее нужно поливать своим вниманием. За ней нужен уход и забота. Сияющая в ночи ярко-зеленая вывеска Сбербанка. Слушаю Weather report. И внезапно, по мере приближения к вывеске, вместе с соло саксофона начинаю ощущать приближение экстаза. Кульминация музыки. Рай усталости.

Время живет не в часах, оно живет в нас. Часы начинаешь замечать только, когда время остановилось. Пытаюсь уснуть - час, два, три. Дыхание реальности. Дыхание существования. Дыхание бытия. Дыхание бездны. Дыхание пустоты. Ее взгляд течет, как река. И меня уносит этой рекой. Дети шумят мне с берега и весело машут руками. Солнечные блики разносят ароматы переспелого лета. Велосипедная тишина, нарушаемая аккордами сочных газонных соцветий.

Часть 50. Всепроникающий смысл. Взаимодействие со снами. Зеркало как связь времен.

Смыслы раскрываются медленно. Подобно сахару, растворяющемуся в стакане с чаем, в каждый миг бытия проникает сладость.

Попытка уснуть сродни возможности осуществить неосуществимое. Сны перекачиваются в нашей голове, как узоры калейдоскопа.

Зеркало, что встает передо мной стеной. Словно все мгновения моей жизни слетелись в единую мозаику. И вот-вот разлетятся вновь.

Гармония, которую я так часто искал в окружающем мире, распустилась, наконец, у меня перед глазами, словно великолепное раскидистое дерево, произрастающее из глубины веков и вступающее в настоящее своей цветущей листвой. Но почему я по-

прежнему не могу произнести ни слова? Мои уста сжаты, моя речь невнятна, мой разум омрачен безумием ночи.

Мы плывем в огромной реке, кто ближе к поверхности, кто ближе ко дну. Мы пытаемся наладить свою жизнь в вечно расплывающемся потоке. Мы встречаемся ненадолго и расстаемся навсегда. И словно идущие из глубин дна водоросли, наши желания беззвучно колеблются в воде, не достигая поверхности. Мы просто маленькие рыбки в отсветах солнечного света, любим друг другом, пока не окажемся съеденными. А настоящий мир где-то далеко, там, где река впадает в море, где начинается бесконечность. Там где свет переходит в цвет, а солнце в тепло, и волны расходятся по всей поверхности текучестью вечности.

Часть 51. Любовь как развитие.

Понимание любви непременно приводит к пониманию природы души. Проникновение в самую суть. В самое естество, самую сущность, душу. Туда, где не может быть Другого, и всякий попавший туда есть Я. И всякий отвергнувший меня есть Я. И всякий принявший меня есть Я.

Когда я говорю о страсти, я не имею в виду желание плоти, я не имею в виду непреодолимый звериный позыв, я не говорю о сверхъестественной гладкости и нежности женского тела, его кажущейся беззащитности и теплоте материнского начала. Я говорю об энергии, о внутреннем взрыве, о душевном томлении, исходящем жизненными соками. Я говорю о размножении. О штамповке, ксерокопировании, клонировании, удвоении, утроении, удесятерении, о воспроизводимости чудес. О потенциально новых явлениях, электризующих ситуацию, в которой оказались мужчина и женщина. О желании заплотить своим потомством весь белый свет. И вот он, полный потенции на целую новую цивилизацию, смотрит на нее. И на ее груди спят сотни младенцев, ищущих полные налитые молоком тугие соски. И в ее бедрах энергия огня, маленькое обжигающее солнце, застывшее в зените движения живого. А в ее глазах холодная бездна времени, которую только любовь может заполнить жизнью.

Часть 52. Будущее есть стекло. Числа, произрастающие из глубин сути.

Будущее в отпечатках пальцев настоящего. Мы словно по ту сторону стекла: видим себя, не имея возможности прикоснуться, говорим с собой, не имея возможности услышать, любим себя, не имея возможности ответить взаимностью. Погруженные в шумы бытовых предметов, телевизора и уличной возни, мы цепляемся за прошлое, пытаемся за огромным количеством преходящих предметов не потерять себя.

Летний воздух, горячий и радостный, тревожный и родной. Проникающий сквозь одежду. Скользящий по зеленой насыщенной живительными соками листве. Источающий безумие, безотчетный оптимизм, внимание к деталям и сладкое сексуальное томление. Люди расходятся и сходятся, как круги на воде.

Цифры. Путешествие к началу отсчета. Восходящие и нисходящие истории. Числа, из которых вылупляются новые числа. Пригретые на груди числа. Числа, гнездящиеся в номерах. Номерах телефонов, домов, квартир, автомобилей. Люди и эмоции в каркасе безмолвных баз данных. Когда я говорю о числах, я говорю о расстояниях, я говорю о датах, я говорю о времени, я говорю о движении, я говорю о судьбах. Я говорю о неисчислимом. Я говорю о бесконечном. Я говорю о нас с вами.

Часть 53. Непостижимость дружбы. Память как движение к счастью.

В далеком омытом слезами отрочестве живут мои друзья. С которыми я играл в футбол и мечтал о взрослой жизни художника-мультипликатора. Моя юность была перегружена окружавшей меня красотой. Всеми этими старшеклассницами с тяжелыми грудями и задницами. И если мне удавалось подглядеть их нижнее белье, я был самым счастливым человеком на свете. С друзьями мы ходили в кино и покупали на все деньги пирожки, которые тут же с удовольствием съедали. В детстве я все делал с удовольствием. Удовольствие шло за мной по пятам. Удовольствие жило во мне. Удовольствие передо мной устилало радостью дорогу. Я знал всего несколько вещей и не нуждался ни в каком другом знании. Видимо, осознание счастья всегда приходит пост фактум. Счастливый человек никогда не ощущает в себе счастья, ибо счастье невозможно ощутить. Оно приходит потом, с памятью. И только памяти мы обязаны тем, что испытали счастье.

Часть 54. Развенчание святости. Попрание невинности.

Во все времена ничто не будоражило ум обывателя как опустившийся святоша или заклеянная позором знатная уважаемая женщина. В истории с Иисусом Христом люди просто не могли поступить иначе. Конечно же, они понимали масштаб и значимость человека, которого казнили. Однако им нужно было его унижение, ниспровержение святости, попрание невинности. Чтобы почувствовать свое превосходство. Ведь если человек способен замучить бога, то тем самым он сам приравнивается к богу. А всякое унижение уличной толпой знатной высокомерной особы возвышает ее над собой. И поскольку технология осуществления такого унижения, в первую очередь, предполагает наличие толпы, то толпа становится наиболее опасной и наиболее аморальной силой, призванной восстанавливать паритет между ущербностью масс и разнужданностью элит.

Мотив принуждения принцессы либо королевы к труду распространен во многих сказках народов мира как завуалированное желание черни отыметь своих господ.

Часть 55. Второстепенное есть фундамент главного.

Перемещение облаков, изрезанных полетом птиц. Сладкое томление, сопровождаемое пульсацией солнца в венах. Мы смотрим вверх и думаем о древних символах стихий. Огонь, воздух, вода, земля. Люди верят в неуловимые вещи.

Восхождение нисхождения. Втоптанное в грязь мечты. Понимание эволюции. Смешение жанров. Все великое начинается и заканчивается пустяком.

Часть 56. Затаившаяся в сени утренних деревьев истина. Мир наваждений и нагромождений.

В истине есть что-то от пистолетного выстрела. Красавицы, поигрывающие грудью, - все равно что затаившийся зверь, готовящийся к прыжку. Магия денег, цикличных, как перелетные птицы. Еще один роман Эмиля Петросяна о романе Эмиля Петросяна с Эмилем Петросяном.

Смыслы ускользают, оставляя вещи неназванными, безадресными, произвольными. Вещи засижены словами. Слова слетаются на вещи, не оставляя от них ничего. Мир вещей трансформировался в мир слов. Поэтому достаточно назвать нечто, чтобы оно материализовалось. Есть серьезное различие между человеком, ищущем смысл в жизни, и человеком, ищущем жизнь в смысле. Люди заводятся в вещах, как моль.

Часть 57. Солнце - единственный мост между эстетикой и этикой. Рассуждение как финал состоявшихся и несостоявшихся оргий.

Я не признаю никакой этики, кроме эстетики.

Залитые солнцем улицы в утренних автобусах, что мчатся навстречу неизвестности. Лето пробегает по жилам. Пробуждая дремлющее в нас детство, солнце воспроизводится в каждом нашем взгляде. Окна, превращающиеся в зеркала, сверкающие солнцем, нагретые вечерним закатом цветы.

Маркиз де Сад ставил рассуждение на уровень необычайных удовольствий сродни роскошной оргии. Как чередование удовольствий тела и души. Ибо в рассуждениях вырабатывается особый вид энергии, не способный к высвобождению через секс. Сексуальная же энергия сублимируется в рассуждение, в стилистике которого она и оседает навсегда. Таким образом, возможна трансформация из секса в рассуждение, но не обратно. Прекрасной иллюстрацией существования и влияния этого явления на интеллект являются рассуждения, воспоминания и некоторые откровения после удавшегося секса, призванные удовлетворить душу, стремящуюся к гармонии с телом, которое в экстазе. Ибо энергия ума является кумулятивной и любое ее расходование возвращает энергию во сто крат. Энергия же секса убыточна, и любое расходование такой энергии требует все больших и больших ее последующих запасов.

Среди всех проносящихся в течение дня перед воображением эротических картин всегда находится одна, которая властно навязывает себя и вызывает божественное наслаждение.

Молчание в сексе — это молчание машины разврата, столь хорошо смазанной, доведенной до такой легкости в обращении, что всякий шум расценивается как сбой.

Часть 58. Океан в каждой капле.

Жажда жизни, внимание к деталям, осознание естества природы, движение по спирали, отрицание закономерностей. Разглядывая старые фотографии, вдруг понимаю, что остался без друзей.

Океан появляется, как надвигающаяся катастрофа. Большой живой могучий неуправляемый океан. Страшный и опасный, с огромными бурлящими волнами. Картина моей психики. Без конца и края. Страх погружения в свое подсознание. Ощущение управляемости какой-то безличной хаотичной силой, втаскивающей в свою пучину всякого, кто ненадолго потерял бдительность.

Дождь. Ожидание чуда. Словно распахнув тяжелые двери, свежий суетливый ветер врывается в нас, перетасовывая наши мысли.

Часть 59. Я.

Я. Что я ощущаю, говоря "Я"? Я как "я мыслю", я как "я ощущаю", я как "я осознаю", я как "я существую", я как "я выживаю", я как "я хочу", я как "я мечтал", я как "я отчаялся", я как "я испытываю боль", я как "я не понимаю", я как "я растерян", я как "я любил", я как "я верил", я как "я испытываю дискомфорт", я как "я напоминаю о себе", я как "я требую уважения", я как "я единственное в своем роде неповторимое существо", я как "я стараюсь", я как "я не хочу", я как "я цепляюсь за соломинку", я как "я люблю жизнь", я как "я верю", я как "я жду чего-то важного", я как "я по ту сторону всего сущего", я как "я руководствуюсь чувством справедливости", я как "я, ведомый богом", я как "я многого не понимаю", я как "я многого не вижу", я как "я многого не знаю", я как "я, каким меня видят другие", я как "я, каким я не хочу быть", я как "я часто вспоминаю детство", я как "я люблю рисовать", я как "я не представляю себе жизни без музыки", я как "я в вечной власти искушений", я как "я наследник генетической памяти своих предков", я как "я часто гуляю в парке", я как "я стараюсь быть понятым", я как "я теряю", я как "я нахожу", я как "я преодолеваю себя", я как "я сопереживаю", я как "я испытываю страх", я как "я, желающий всех хорошеньких женщин детородного возраста", я как "я, стремящийся к познанию", я как "я, стремящийся к мудрости", я как "я, постигающий чудо красоты", я как "я, потрясенный силой искусства", я как "я, переживший войну", я как "я, переживший бедность", я как "я избегаю безумия", я как "я изобретаю велосипед", я как "я начинаю с чистого листа", я как "я многое понял", я как "я постоянно развиваю интуицию", я как "я не знаю истину, но я чувствую ее", я как "я недооценивал силу обычных вещей", я как "я вижу цветные сны", я как "я радуюсь", я как "я плачу", я как "я живу полноценной жизнью", я как "я отказываю себе во всем", я как "я выжидаю", я как "я непобедим", я как "я погибаю", я как "я выполняю свою миссию", я как "я присутствую в каждом написанном мной слове".

Часть 60. Свободное падение ночи.

Нет ничего прекраснее женщины, сладко потягивающейся после ночи любви.

В темноте снов я различаю свет улыбки. Длительное погружение в сон, как головокружение, как обморок, как свободное падение. Люди, люди, люди. И тут люди. Они сбегаются и разбегаются, словно приводимые в движение нагромождением пульсирующих волн. Улыбающиеся люди здесь встречаются не так уж часто. Изгиб кисти, поворот головы, улыбка, ветер, развевающий волосы, устремляющиеся вдаль рельсы, по которым уходят переполненные поезда. Спокойствие в травах, спокойствие в деревьях, лесах, спокойствие в снеге, статичном и неподъемном. Динамика свойственна людям, динамика свойственна процессам. Люди, выстроившиеся в цепь, как технологический процесс. Процессы, бурлящие и клокочущие, взаиморасслаивающиеся и взаимопроникающие. Возникновение обмана. Ожидание сна. Встреча лета. Тепло улицы передается теплу сердца. Путь, изменяющийся под ногами. Движение в обратном направлении. Повторение пройденного. Цифры, клавиши, кнопки. Все нажимают на кнопки. Все дергают рычаги. Все включается. Все поднимается. Все перемещается. Она улыбается своим снам. Она продолжает улыбаться. В то время, как я пытаюсь заглушить в себе боль. Я снова на краю земли. В сотый раз смотрю в окно, не понимая, где я. Я наблюдаю, как зажигаются и гаснут огни в соседнем доме. И за этими огнями не видно людей. Я словно лежу на дне лодки и плыву по течению. Легкое колыхание ветра, покачивание на волнах, монотонное движение без адреса. Просто перемещение. Просто время. Просто жизнь.

Часть 61. Человек.

Человек – это сумма возможностей, помноженная на количество лет, оставшихся до конца его жизни.

Одиночество неискоренимо. Каждый вечер борюсь за возможность не чувствовать себя одиноким. И каждый день терплю поражение. Поздняя весна все равно, что ранняя осень. Дни погружены в серость и уныние. В напряженном ожидании наблюдаю полет птиц.

Выходные дни пролетают незаметно. Реальность следует за мной по пятам. По понедельникам долго собираюсь на работу. И выходя на улицу, вижу в свежем ветре перевернутые поцелуи вчерашних расставаний.

Не собираюсь быть понятым. Не хочу кому-либо угодить. Просто пишу то, что пишу. Любовь затихла в моем сердце, прислушиваясь к дыханию деревьев. Дети на игровой площадке, что являют собой спокойствие сытости, умножают наши отражения.

Сегодня в своей записной книге я оставил запись: «мой член - моя хрустальная туфелька». Да будет благословлено это холодное лето, что искренне смеется надо мной, видя мое угасание в волнах приближающегося тепла.

Я просто человек, который пытается обмануть свое одиночество. Я вспоминаю ее голые колени, такие чужие и такие необходимые. Я вспоминаю ее груди, что сидели, прижавшись друг к другу, как голуби. Я стою, и сон пронизывает меня. Вечное возвращение. Я снова в детстве. Порхаю, как мотылек-однодневка.

Часть 62. Слова - это спецэффекты.

Программы по телевизору. Я листаю каналы, один за другим. Лица сменяют пейзажи, затем животные, графики, музыка, прогноз погоды, курс валют, мультфильмы, фильмы про космос, жизнь замечательных людей. Информация сочится в мои уши, заполняя меня, как полый сосуд. Я ощущаю микс. Мы возле микшерского пульта своей жизни накладываем спецэффекты, пытаемся свести воедино понравившиеся гармонии, замедляем ритм, где это необходимо, и пытаемся проскочить неприятности в ускоренном темпе. Мы создаем глобальную музыку нашего сознания, погруженного в вечный информационный шум. Шум и протест. Пустота, прорезающая, разрывающая поток, как движение против течения. За каждой пустотой поступок. За каждым отчаянием греза. За каждой любовью смерть.

Слова смертны. И мы чувствуем, когда они умирают. Мы держим их в уме, не в силах оживить. Мы не хотим с ними расставаться, ибо расстаемся с частью себя. Но они мертвы и больше ничего не чувствуют. И осознав это, мы оплакиваем наши мечты.

Часть 63. Вещи - шлейф всякого желания. Музыкальность недавнего присутствия.

Я - это множество вещей, сопричастных мне. Я - это все, что я вижу. Я - это все, что я слышу. Я - это все, что я хочу.

Мы флиртуем с вещами. Ибо наш труд настолько отчужден, и мы настолько не можем понять, на что мы тратим большую часть жизненной энергии и времени, что, единственным способом материализации нашего труда является потребление. Только так мы можем увидеть наш труд в материальной форме. Овеществив же свой труд, мы его тут же безвозвратно теряем.

Разглядываю сочный зеленый листок. Он полон жизни и развития. Я не могу сказать то же самое о своей жизни, ибо в ней нет полноты. Капиталистический способ существования это задача, не имеющая оптимального решения. Именно поэтому, натаскав в свой дом вещи или окружив ими себя, мы ждем, когда же придет это счастье. Но оно не приходит, ибо мы оставили его там, где были наши оголенные чувства. Чувства, не нуждающиеся в своем овеществлении. Чувства, не нуждающиеся в самоубийстве.

Часть 64. Взаимодействие бытия и ничто.

Человеческая теплота. Душевное движение по направлению друг к другу. Нежность, внимание, забота. Великая тайна социальности человека. Замираю в стремлении почувствовать великое содрогание живого. А ведь когда-то я часто ходил в гости и видел людей, что повторяют эмоции, не проживая их.

Лето. Отпуск. Отчаянные попытки подражать ничегонеделанию. Обратимость добра и зла. За каждым образом стоит событие.

Несоответствия между причинами и следствиями. Мы снимаем границы там, где ждем помощи. Неприкрытый восторг плотского желания.

Часть 65. Белое и черное. Остановка в пути. Движение в обратную сторону.

И снова белое. Цвет чистого сверкающего разума. Цвет выцветшего сна. Цвет тихих звуков, исчезающих в пустых попытках вернуть детство, вымазанное сладким жарким ярко-желтым солнцем. Цвет наполненной пустоты. Настолько наполненной, что невозможно в нее втиснуть еще что-либо. Цвет бега от действительности, цвет бумажных страниц, испещренных поисками смысла жизни, смысла своего появления на свет. Я предпочитаю видеть свет белым. Я предпочитаю видеть свет произрастающим из моего сознания. Я предпочитаю понимать сущее через цвета.

Власть исчисления. Иллюзия времени, иллюзия пространства, иллюзия скорости. Понимание движения как развития.

Часть 66. Рассуждения о смысле.

Некоторые вещи невозможно ни понять, ни оценить, ни уничтожить.

Ветви без листвы. Ее слова это гнездо, которое она вьет. Игра в футбол в детстве. Я падал, снова бежал и снова падал. Зима в кадре.

Живу, стараясь сжиться. Смотрю на снег и, дрожа, вспоминаю лето. Сбившиеся в клубок крылатые чудища моих коллег по работе.

Unrest. Еще один альбомчик авангардной музыки, прошедший со мной через все испытания. Я черчу линию и уезжаю на ней.

Любовь – только это имеет значение. И больше ничего. Добро не способно объяснить ничего, зло не способно объяснить, ничего. Все объясняет любовь, но она молчит, и никто ее не разговаривает...

Мир не стареет вместе с нами. Мы стареем вместо него.

Иногда время останавливается и дает нам возможность обернуться назад, ощутить свое существование, испытать ток крови в жилах, обнаружить закон изменения всего сущего в изменяющихся видах в окне, проникнуться тем неповторимым ощущением всеобщего присутствия, которым нас одаривает жизнь. Я двигаюсь сквозь заледеневший зимний парк. И жизнь предстает мне потрясающей загадкой, которую ни понять, ни осознать, - только почувствовать. Чувство того, что ты живешь, ты жив, и вокруг все живет, все дышит, все задействовано ради тебя, все задействовано во имя тебя. И словно приоткрывается дверь и можно видеть то, чего никогда не видел, слышать то, о чем даже не подозревал, созерцать то, что всегда было скрыто за волнами бесконечных взаимодействий нас с окружающей действительностью. Люди, которые проносятся мимо меня, как продукция на конвейере. Я их вижу в первый и последний раз. Еще несколько мгновений - и они исчезают, как проплывающие облака.

Все в нашем мире устроено таким образом, чтобы скрыть истину. Но с уверенностью я могу назвать истинным только одно: бизнес - это неотъемлемая часть бизнес-ланча.

Сидящие на диете людоеды. Смотрю на них с истинным отвращением. Мой живот - память вкуса.

Всеобщая каталогизация жизни. Все люди у меня расставлены по ящикам. Иногда я перекладываю их из одного ящика в другой. То же - с вещами. Но только не со словами. Ибо каждое слово есть функция от самого себя и замыкается на самом себе, показывая ненадолго свой смысл, словно женщина, обнажающая свои прелести, которые, однако, вечно остаются при ней.

Делай со мной, но не делай как я.

Часть предпоследняя. Шифр жизни.

q35t4gqe3rtvge35g4r3th5rt35h4e6r8y476e5h143rt4y68794w3e1c3rsfs3dt547tg6w

Часть последняя. Попытки исправиться. Жизнь по-настоящему. Понимание своего пути.

Упадок сил. Слабость. Температура 35,5. Ощущение беспомощности. Мы не нужны никому, когда мы слабы. Я лежу на диване и слушаю, как бьется мое сердце. Мои физические и психические ресурсы исчерпаны. Я чувствую, как от меня, словно от ракеты, отсоединяются все вспомогательные модули, такие как постоянные мысли об обеспечении себя пищей, кровом, всем необходимым. Отсоединяются воспоминания, ощущения, радости и печали, ожидания и тревоги. Дальше я лечу в открытый космос один.

*Москва
2004-2008.*